

П Е С Н Я

В первые дни декабря вот уже который год я вспоминаю одну взволновавшую меня историю. О ней напоминает мне небольшое письмо, хранящееся среди моих бумаг.

Несколько листов, испещренных неровным почерком, заставляют вспомнить минувшие годы и как-то особенно остро осознать реальную силу того простого для нас, советских людей, факта, что мы — полные хозяева всех богатств страны, ощути-мей становятся наши права на труд, отдых, учебу, обеспеченную старость. И в душе возникает гордость от сознания того, что ты — гражданин великой страны, стоящей в авангарде неодолимого движения всех честных людей земли за мир и прогресс.

Мы ежедневно сталкиваемся с большими и малыми фактами — красноречивыми свидетелями побед советского строя, Конституции СССР. Из года в год все полнее выявляются разнообразные таланты советского народа.

Интеллигенты старшего поколения хорошо помнят, как царизм топтал и глушил украинскую культуру. В те времена, например, хор студентов Киевского университета, руководимый виднейшим композитором Н. Лысенко, исполнял народные украинские песни на французском языке, иначе они были бы вычеркнуты из его репертуара цензурой. Закарпатские наши братья-украинцы, сравнительно недавно вошедшие в семью советских людей, могут рассказать о вещах и пострашнее.

Видимо, не случайно письмо, о котором я упомянул вначале, обычно вспоминается мне в предпраздничные декабрьские дни. Вот история этого письма.

Во время войны я руководил ансамблем песни и пляски одного соединения. Шли бои за освобождение Закарпатья. Темной летней ночью мы вошли в почти безлюдное село, лишь несколько часов назад освобожденное от гитлеровцев. Нашли хату побольше и, несмотря на усталость, начали репетиции. Утром наш ансамбль, разбившись на несколько групп, должен был выехать в полки переднего края.

Неожиданно распахнулась дверь, и на пороге появился высокий, стройный старик.

— Дозвольте послухати? — строго спросил он.

— Заходьте, пожалуйста!

Старик прошел в темный угол и сел на скамейку. Свет от керосиновой лампы не достигал угла, и мы через минуту забыли о старике. Но вот солист нашего ансамбля запел известную украинскую песню «Повій, вітре, на Вкраїну», и вдруг из темноты комнаты ему начал вторить бас, и какой бас! Какой голос! Песня оборвалась... Все повернулись к старику. Старик тоже умолк, обвел нас тяжелым, грустным взглядом и горько заплакал.

Украина — край певучий. Встретить хороший голос в любом селе — не диковинка. Но здесь в уже дрожащем голосе старика мы услышали ушедший огромный талант украинского Шалаяпина.

До рассвета рассказывал нам старик свою горькую долю.

— Что у меня, вот у брата был бас! — с болью говорил он.

Но ни ему, ни его брату, такому же бедняку, как и он, не удалось выйти в певцы.

На рассвете мы двинулись дальше. Расставаясь со стариком, я оставил ему свой киевский адрес. Так пришло ко мне его письмо. И не только письмо, в конверте были стихи и нотные записи песен, сочиненных стариком. Он сообщал, что руководит колхозным хором в Хустском районе Закарпатья.

Сколько счастливой, неподдельной радости и светлых надежд было в его корявых, но искренних, сердечных стихах и песнях! В них он славил великую Коммунистическую партию, Советский Союз, освободивший его от темного старого мира. Я почувствовал в его строках и мелодиях великую силу народного сказителя и певца, ту силу, которую он не мог проявить в молодости и нашел лишь на склоне лет в семье свободолюбивых тружеников Советской земли.

Народные певцы безымянны. Выпустил песню, как птицу, и летит она из края в край. И никому не известно, из чьих рук вылетела. Но эта песня — самая чистая, самая сердечная, самая правдивая и честная. И если народ в своем творчестве от всего сердца славит свою Родину, свою великую и мудрую партию, — это огромная победа и сила всего нашего строя. Это великая правда Советской Конституции.

Г. ЖУКОВСКИЙ,
композитор.